

Глава IX Лауреат

Слава и деньги

Жизнь Бродского на родине никак не назовешь безмятежной. Полуторогодовалым младенцем его вывозят на транспортном самолете под обстрелом из осажденного города. В пятнадцать лет он бросает школу. К восемнадцати приобретает отчасти скандальную известность как поэт. В двадцать он в первый раз арестован. В двадцать три – в тюрьме, в сумасшедшем доме, жертва и герой прогремевшего на весь мир судебного процесса. В тридцать два его изгоняют из страны.

Жизнь Бродского на Западе в столь же конспективном изложении, напротив, выглядит как восхождение по лестнице успехов. Прилично оплачиваемые профессорские должности в престижных университетах: сначала в Мичиганском, периодически – в Нью-Йоркском, Колумбийском и других, а с 1980 года постоянно в консорциуме пяти колледжей в Массачусетсе. Все высшие награды и премии, какие только могут достаться литератору, в том числе «премия гениев» в 1981 году, Нобелевская премия по литературе в 1987-м, назначение поэтом-лауреатом США в 1991-м. Бродский – почетный доктор Йеля, Дартмута, Оксфорда, почетный гражданин Флоренции и Санкт-Петербурга, кавалер ордена Почетного легиона и т. д. и т. п.

Контрастно несхожими две неравные половины преломившейся примерно в «золотом сечении» жизни выглядят только на сторонний и поверхностный взгляд. На постоянный, естественный вопрос интервьюеров, как на него подействовал переезд на Запад, Бродский терпеливо, а иногда и досадливо отвечал, что это всего лишь «продолжение пространства». В четвертой главе «Колыбельной Трескового мыса» он перечисляет приметы жизни, связанные с «переменой империи»:

Перемена империи связана с гулом слов,
с выделением слюны в результате речи,
с Лобачевской суммой чужих углов,
с возрастаньем исподволь шансов встречи
параллельных линий (обычной на
полюсе). И она,

456 СИБ-2. Т. 7. С. 91.

457 Там же. С. 90.

перемена, связана с колкой дров...

(ЧР)

Непривычно жить в чужих углах, постоянно говорить на неродном языке и даже колоть дрова, чего в Ленинграде делать не приходилось, а тут камин. Но в конечном счете

...перо
рвется поведать про
сходство. Ибо у вас в руках
то же перо, что и прежде. В рощах
те же растения.

В определенном смысле Бродского равно тревожили житейские беды и удачи, потому что и те и другие могли вмешаться и отвлечь от единственно существенного – от сочинительства. Мы помним эпизод в январе 1964 года, когда ворвались милиционеры с угрозами, а он думал, как бы дописать стихотворение «Садовник в ватнике, как дрозд...». Мы знаем, как раздражало его непрекращающееся муссирование судебной расправы над ним. Но и то, чему, казалось бы, следовало радоваться, таило потенциальную опасность. Он рассказывал, как после первых месяцев жизни в Америке однажды получил ежемесячный отчет из банка и увидел, что у него на счету скопилось, кажется, три с чем-то тысячи долларов. И ему, смолоду не всегда имевшему в кармане двух рублей на такси, стало приятно, и мелькнула мысль: «А хорошо бы пять тысяч!» И эта мысль его испугала, поскольку следить за ростом своих сбережений – значит какое-то время занимать этим сознание. И, сходным образом, когда отшумели нобелевские торжества, в конце декабря 1987 года он вернулся из Швеции в Америку в сильной тревоге: его беспокоило, не слишком ли он выбит из колеи новым всплеском всемирной славы – а вдруг он не сможет больше писать? Но подошло 24 декабря и написалось стихотворение «Рождественская звезда». «И я подумал: ну, значит, все в порядке...»

Живя на Западе, Бродский не испытывал материальных стеснений, но богат никогда не был. Даже Нобелевскую премию он ухитрился получить в тот год, когда ее денежная стоимость была рекордна низка (размер премии зависит от колебаний рынка ценных бумаг) – 340 тысяч долларов. И с этой суммы он должен был заплатить в США большой налог благодаря только что принятому закону (раньше Нобелевские премии от налогообложения освобождались)⁴⁵⁸. Осталось у него от премии примерно столько, сколько его нью-йоркский дантист или кардиолог зарабатывали за год. Эти деньги и составляли все его богатство до последних лет, когда появились семья и потребность в более просторном жилье. К началу девяностых годов приличная квартира в приличном районе Нью-Йорка стоила не менее полумиллиона долларов. Сверх университетской зарплаты Бродский немало зарабатывал гонорарами за публикации и выступления, но привычки беречь деньги у него не было. Раз напуганный, как ему показалось, приступом корыстолюбия, он весьма преуспел в умении изгонять из головы меркантильные мотивы. Получив по почте чек из редакции, он прикноплял его к доске над письменным столом и недели спустя скользил по нему рассеянным взглядом – чек вливался в коллаж из открыток, записок и фотографий.